

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

САРА ДЖИО. ЕЖЕВИЧНАЯ ЗИМА

САРА ДЖИО. ТИХИЕ СЛОВА ЛЮБВИ

САРА ДЖИО. ФИАЛКИ В МАРТЕ

САРА ДЖИО. СОЛЕННЫЙ ВЕТЕР

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. БАБЬЕ ЛЕТО

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. РОДНЫЕ ЛЮДИ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТАКОВА ЖИЗНЬ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЛЕГКО НА СЕРДЦЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ДНЕВНИК СВЕКРОВИ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. ЛАЗУРЬ НА ЕГО ПАЛЬЦАХ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ПОСЛЕ
ИЗМЕНЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление *Валерии Колышевой*

В оформлении обложки использованы фотографии:

© L Julia, Konstantin Aksenov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Метлицкая, Мария.

М54 После измены : / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-154598-7

Что может быть ужаснее предательства близкого человека? Того, кто был рядом много лет, с которым прошли через все трудности и испытания, вырастили ребенка? Как смириться с тем, что он полюбил другую?

Ирина, героиня книги Марии Метлицкой, в первую очередь мучается от того, что не может простить мужа, не может начать все сначала, сделать вид, что ничего не было. Все вокруг говорят, что «поход налево» — дело житейское, что все мужчины изменяют, и многие ее подруги, соседки, приятельницы прошли через этот ад, кто-то с большими, кто-то с меньшими потерями. Но Ирина, как ни старается, не может примерить их опыт на себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-154598-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Измену можно простить, а обиду нельзя.
Неверность прощают, но не забывают.

Анна Ахматова

Жизнь не кончается, жизнь продолжается. Никто не умер, и даже никто не болеет. Все через это прошли, все пережили. У кого-то бывало и похуже. А чем ты лучше других? Почему тебя это не должно было коснуться? И так прожила как сыр в масле почти до пятидесяти. И что, наивная, думала, что эта история не про тебя? Ничего. Проглотишь.

Скажи еще спасибо, что так. Что не ушел, не оставил на улице. Не завел ребенка. В ногах ведь валяется! Не знает, как тебе угодить. Как прощение вымолить. Смотри, не увлекайся! Ума-то не хватает вовремя остановиться! Чем больше он перед тобой стелется, тем больше ты кривишься. Меру-то знать надо! Ведь и ему надоест! Терпение-то границу знает! Подберут — не заметишь, и еще в ножки поклонятся, не сомневайся. Он обеспеченный пятидесятилетний мужик, не толстый, не лысый. Здоровый, между прочим. Волосы с сединой,

глаза голубые. Спортом занимается. Не пьет и не курит. Остроумный, кстати. Джаз обожает. Книжки читает. Ты сама любишься, когда он из своего высоченного джипа выскакивает, легко, как мальчишка. Ну, не любишься — любовалась.

А ты? Посмотри в зеркало! Посмотри! Только не так, как ты любишь, — в спальне, с приглушенным и теплым светом, да еще и к вечерку. А почестному посмотри! С утречка! Отдерни тяжелые шторы! И без крема французского, без румян! Лучше — если солнышко в окне. Вот и посмотри, поразглядывай. А то все мы умные. В зеркало — только после масочки японской и тонального крема.

Да! На весы еще встань! Достань их из кладовки, достань! А то далеко припрятала! Умная какая! Правду никто не любит. Зачем она, эта правда? Какой в ней смысл?

Еще отмени всех своих косметичек, массажисток, парикмахеров. Всех, на кого он так щедро денежки дает, не жалеет. Тряпки свои отмени — солидные, недешевые. Сплошные бренды. Туда же туфельки и сумочки. А сверху, на эту кучку, шубки брось. Три? Или четыре? Ключи от машинки своей шустрой, японской на тумбочку рядом положи. И в метро, матушка. В метро. На рынок

оптовый — там дешевле. Там и кофточку подберешь, и колбаски прихватишь. И с сумкой на колесах к дому. Тебе ведь тяжелое нельзя таскать? У тебя ведь спинка слабая?

И про курорты свои забудь, и про теплые моря. И про отели — не ниже пяти звезд, ни-ни.

На дачу, к маме. Станция Дорохово. А что? Прекрасные места. Лес, пруд. Шесть соток и щитовой домик. Туалет, правда, на улице... Но зато — печка. И воздух, воздух! Да, электричкой почти два часа. А ты как думала? Это не твоя дача — двенадцать километров от Окружной, газ, два туалета — все, как положено.

Не хочешь? И кстати, это не потому, что он подлец и всего тебя лишил. Нет. Он не подлец. Это ты у нас — гордая. В смысле — ничего от него, предателя, не надо. Ничего-ничего. Совсем.

Хорошо подумала? Крепко?

Ну и как? Нравится? Не очень, правда? Но ты не признаешься. Никому и никогда. Даже — себе. Себе в первую очередь!

Ладно. Все. Хватит. Умные все. Рассудительные. Советчики. Чужую беду рукой... Что проще?

Это для вас — рукой. А для меня... А для меня — вся жизнь, вся жизнь... Вкось и вкривь, на триста

шестьдесят градусов. С ног сбил. Так сбил, что на карачках ползу.

У всех, говорите, бывает? Все через это прошли? Все продолжают жить и даже радоваться жизни? А что вы про их личный ад знаете? Про черную пропасть, яму без дна? Когда хочется только одного — утром не проснуться. Исчезнуть с лица земли. Нет тебя — и славно. Всем легче. Ничего не надо решать, не надо вести долгих и тягостных разговоров. Не надо ничего объяснять, не надо оправдываться и просить прощения. Ничего не надо. Даже делить квартиру.

Тебя нет. Тебя нет, а жизнь-то есть, никуда не делась. И все так же хотят есть, пить, спать, покупать хорошую обувь и ездить в далекие страны. Только хотят они всего этого без тебя. Ты — только помеха, докучливая, лишняя, утомительная. С тобой надо еще разобратся. Что-то решить.

Нет! Не надо со мной разбираться! Пожалуйста, не надо! У меня только одна просьба — оставь меня в покое! Ну пожалуйста! Я отсижусь в своей норе. Как мне там будет — не заботьтесь. Только не надо мне звонить! Ни в дверь, ни на домашний, ни на мобильный! ПОЖАЛУЙСТА! Я вам клятвенно обещаю — я буду жива и здорова. Ну или почти здорова и почти жива. Рук на себя не наложу и из окна

не выскочу. Не дождетесь. Подобных неприятностей вам не доставлю. Я не люблю, когда обо мне много говорят, тем более в таком, прямо скажем, малоприятном контексте. Ну и потом — есть мама. Разве я могу сделать ей такое? И Анюте, дочери, зачем лишние слезы, в ее-то положении! Не приведи господи! Или я не мать?

Я понимаю — вы все очень переживаете. Очень. Я для вас не чужой человек — дочь, мать, подруга, сестра. Вы все очень искренни в своих желаниях — помочь, ободрить, утешить. Еще раз все перемолоть. С подробностями.

Вы не понимаете только одного. Мне всего этого не надо. Ведь все люди разные, правда? Ну не могу я часами перетирать все это по телефону или сидя на кухне за сто пятой чашкой кофе!

Мне больно! Вы просто поймите это и избавьте меня от своего участия! Всё, всё. Ни советов, ни ваших впечатлений.

Все. Закрываю дверь. Дальше — я сама.

* * *

И правда, если подумать, жизнь прошла без особых потрясений. Нет, всякое, конечно, было, но если в целом... Если сравнивать с другими...

Семья родителей — вполне благопристойная: папа — инженер, мама — зубной врач. Достаток средний. Нет, все же выше среднего, потому что хороший дантист — это редкость. А мама была отличным врачом, терпеливым и тщательным, даже при карательной совковой стоматологии. Лечила всегда с уколom, к ней стояла очередь, толпы желающих. Ну и соответственно подарки и связи — в аптеке, гастрономе и билетной кассе. Все хотели ей угодить. Нет, денег не брала, тогда мало кто брал. К тому же поликлиника ведомственная, стукнут в пять минут.

Папа тихо сидел в своем КБ. Зарплата так себе, но хватало на все: и на курорты, и на театры, и на красивые платья нам с сестрой Галкой. Сестра — подружка, три года разницы. По полночи шептались. Конечно, иногда цапались — не без того, но все же жили дружно, никаких скандалов. Квартира кооперативная, машина «Жигули», дача. Мы с Галиной занимались музыкой и учились в английской школе. Одним словом, все как у людей.

Потом институт. Первая любовь — не совсем удачная, не без слез. А какая первая любовь без слез и страданий? Без выдумок и глупых ночных стишков? Прошла, слава богу. А потом, через полгода, очень быстро — стремительный, яркий и взрослый роман и — замужество. И все опять как положено: свадьба

в ресторане, белая «Волга» с пупсом на капоте, платье с кружевом в пол, фата. Родители молодых довольны — один круг, одни интересы. Никакого мезальянса, ни-ни. Детки-то разумные, не зря столько вложено, не огорчили. А что студенты — так это ничего, чем могли, помогали — родные ведь детки! Купили кооператив сообща, ремонт, обстановка. Живите в любви и согласии!

Так и жили. Окончили институт, пошли работать, родили дочку. Свекровь — золотая женщина — взяла внучку на себя. Какой там садик! Мы приходили с работы — дома чисто, ужин на плите, дочка обстирана, накормлена и выгулена. Свекровь чмокала деток и выскальзывала за дверь. Отдыхайте! Наслаждайтесь друг другом!

Отдыхали и наслаждались. Денег хватало не всегда, но родители подбрасывали. Мама привозила дефицитные продукты, доставала шмотки. Все друг друга любили и уважали.

А мне завидовали. Таких гладких и благополучных было немного. У всех кипели страсти, перед всеми стояли неразрешимые проблемы, от личных до материальных. Стерва свекровь, совместное проживание с родителями, садовский, вечно болеющий ребенок, драные сапоги, битва за кусок колбасы и шматок черного мяса.

А еще — пьющие и неверные мужья, заслуживающие только одного: от них можно и нужно гулять и гулять. Брать, хватать от жизни все, пока молода и хороша собой. Нет, были, разумеется, и истинные страсти, настоящие, пылкие романы. У подруг, у коллег. Я видела их безумные воспаленные глаза, тревожные взгляды на телефонную трубку, бесконечное вранье — мужу, любовнику, детям, маме, себе. Смотрела и думала: «Спасибо, господи! Спасибо, что все это происходит не со мной! Что я избавлена от этого кошмара и ужаса. Я бы так не прожила и недели. Свихнулась. Чокнулась. Помешалась. Какая там радость, какое счастье? Черета проблем, лжи и самобмана».

А потом? Когда все кончалось? Слезы, истерики, клиника неврозов. Безнадёжно испорченные отношения в семье, сложности с ребенком. А если и благополучный исход, в смысле — развод и последующий брак с любимым, то через год или два — все то же: козел, дурак, зарплату зажимает, пьет пиво у телевизора, торчит в выходные в гараже. «С моим сыном отношения не сложились — конечно, ребенок-то не родной! А к своей дочурке бегают каждую субботу. Подарки таскает, — жаловалась сослуживица. — А еще и обедает у бывшей и борщок ее нахваливает. Я ему: «Ну и вали, блин!» А он крутит пальцем у ви-

ска и говорит: «Ну ты и дура!» Оскорбляет! А я — в ответ. Что я, таких слов не знаю? И пошло-поехало. Трепет, страсть, нежность — где вы, ау? Все то же самое. А может, и хуже. Там хоть папаша был родной, дитя не гнобил».

Я иногда думала: «Я что, счастливая? Удачливая? Или мне все это по заслугам? Ну, должны же быть на свете благополучные люди? Не всем же быть несчастными? Значит, я попала в их число. По заслугам, не по заслугам — какая разница. Просто у меня такая судьба. Такая планида. Уж извините. Да и живу я чисто — не ворую, не вру, чужих интересов не заедаю».

А подружки продолжали пылать в огне страстей.

Вон Людка, школьная подружка. Вышла замуж в восемнадцать, через три месяца родила дочку, через шесть ушла от мужа. Сказала: ошибка юности. Потом еще одна ошибка. Уже молодости. Второй брак, второй развод. Далее: ошибка зрелости. Увела мужика от троих детей. Жена его резала вены. Спасли, слава богу. Родила от этого многодетного еще дочку. Пожили-пожили — разбежались. Он вернулся к прежней жене. Теперь вены вскрыла Людка. Хорошо, что неумело — опыта мало. Выжила. Оклемалась и закрутила с мальчиком двадцати лет. Мальчик этот у нее ремонт делал, спал на раскла-

душке в коридоре. Дом далеко, в Белоруссии, в глухом бору.

Потом перебрался в Людкину спальню — просторнее и воздуха больше. Людка говорит, что она счастлива — пользуется его по назначению. В любовь больше не верит, только потерянное в боях здоровье восстанавливает. Белорус для этого в самый раз.

Врет, потому что ревнует, даже к дочке. Скандалы устраивает, грозитя, что на улицу его выгонит. А он отвечает, что не боится. Дерзит. Говорит, мол, баб одиноких полно — и богаче, и моложе, чем Людка. Людка язык и прикусывает

Или Анька Сайкина, подружка с институтской скамьи. Умница, богатая и успешная, собственная фирма по производству рыбных деликатесов. Спит со своим водителем, законченным дебилом. Говорит, что с коммерсантами завязала. Почему — не объясняет. Просто все они — замороженные, ушлые и хитрые. Себе на уме. Могут подставить. А водитель Витя радуется новым кроссовкам и обожает Аньку. Считает, что ему крупно повезло. Впрочем, так оно и есть. Только вот отдыхать Анька ездит одна или с подружкой. И в гости тоже ходит одна — с Витей ходить стесняется.

Есть еще Сафронова, красотка, каких мало. За муж не вышла — всю жизнь, со студенчества, кара-

улит своего Бориса Сергеевича, Борюсика. Борюсик был старшим преподавателем. Зароманились. Он обещал, что уйдет из семьи. Прошло двадцать семь лет. Борюсик в семье, Сафронова на прежнем месте. Раз в год, правда, Борюсик вывозит Сафронову на курорт, в Карловы Вары. У него проблемы с печенью, и он пьет водичку, совмещая приятное с полезным. Сафронова томится у источников и тихо ненавидит эти Вары — у нее-то с печенкой все в порядке. Ей хочется на Мальдивы, в Париж и в Рим. Но по тому маршруту Борюсик ездит с женой, дочерью и внуками, большой и дружной семьей. Сафронова периодически Борюсику изменяет. Говорит, что от злости. А потом рыдает и заявляет, что лучше Борюсика нет. Свой, родной. И любимый.

Ленка, соседка по старой квартире. Выгнала своего пьяницу и гуляку, его быстренько подобрали, отмыли, приодели — и... Вася стал приличным человеком. Ленка даже его не узнала, повстречав на улице. Теперь жалеет и льет слезы. Говорит, что сама виновата — терпения не хватило. Жалеет такое «добро», потому что жизнь свою так и не устроила. Одна кукует. Сейчас ей кажется, что Вася и не пил, и не изменял с каждой встречной. В общем, был хороший. А она осталась в дураках и полном одиночестве. Забыла свои слезы, обиды и унижения.

Вот вам примеры. Удачные — как на подбор. Получается, счастливых немного? Или — вовсе нет?

Ну давайте, давайте. В каждом доме по кому, под каждой крышей свои мыши, у каждого в шкафу свой скелет.

У меня не было ни кома, ни мышей, ни скелетов. У меня было все по-честному. Без вранья и притворства. Что это — нонсенс? Огромное, так сказать, невиданное исключение? Что люди просто любят друг друга, верят друг другу и им хорошо вместе?

Да, вы правы — так не бывает. Или проще — не может быть долго. Не бывает в жизни чудес, не бывает.

Кстати, про подруг — их у меня не было, имелись приятельницы. А все потому, что в подругах я не нуждалась. Не нуждалась ни в посиделках на кухне часами, ни в долгих, откровенных телефонных разговорах, когда выворачиваются наизнанку все подробности, все нутро, после чего становится легче.

Мне все это было не нужно, потому, что муж Леня заменил мне всех. С ним можно было говорить о чем угодно. Все было интересно. Да и что перемалывать с подругами? Я на их фоне такая удачливая, такая счастливая... Просто даже неловко как-то. Мне и поругать-то было некого — ни мужа, ни дочь...

Да нет, случались, конечно, проблемы. Анята болела все детство, и по математике не успевала, и книг

мало читала, и тряпками не в меру интересовалась. И у мужа было всякое: и неудачи в бизнесе, и предательство партнера, ближайшего школьного друга, кстати. И отец его болел тяжело и долго. Конечно, всякое было.

Но все же я всегда знала — судьба дала мне значительно больше, чем другим, была ко мне благосклонна. Ангел-хранитель незримо кружил за спиной.

А вот сейчас... Мама говорит, что все выпивают свою чашу. Никого не минует. Вот настало и мое время выпить до дна. Осушить, так сказать.

Я примерно предполагала, какие разговоры ведутся за моей спиной. Нет, близкие, разумеется, сочувствуют, да и знакомые, те, кто в курсе, тоже, наверное, не злорадствуют. Плохого-то я никому в жизни не делала — не хвастала, не кичилась.

Но каждый, каждый из них наверняка, вздохнув, подумает: «А что она — особенная? Почему это ей все, а нам по чуть-чуть? Самую малость? И в семье, и с детьми, и вечно с пустым кошельком...»

Леонид остался приличным человеком. Покаялся. Объяснил, что с ним случилась беда, иначе не назовешь. Со всеми может случиться. Он все понял, все осознал. Никого, кроме меня, ему не надо.

Он называл себя идиотом и молил о прощении. Есть ради чего. Просил вспомнить годы бесконечного счастья, пережитые вместе неудачи и радости. Рождение Анюты, покупку дома, поездки по свету. Сколько было хорошего! Разве можно все так просто перечеркнуть и забыть? Разве раскаявшийся грешник не имеет право на прощение? Даже преступников, даже убийц можно оправдать.

— А ты и есть убийца! — сказала я.

— Перебор, — отозвался он.

Мама говорила, что это — гордыня. Непомерный грех. Наплевать, как это называется. Важно, что с тем, что произошло, я не могу жить.

— А ведь ты меня не любишь! — воскликнул он.

Я пожала плечами:

— Думай так, как тебе проще.

Он ушел из дома — я попросила. Вместе невыносимо. Опять дура! Где гарантия, что он не вернется к той? Что та не примет и не обогреет? И объяснит, какая у него стерва жена и где ему теплее и лучше.

Ну и ладно. Как будет, так будет. Да, я, видимо, не борец. Тысячи женщин на моем месте бросились бы спасти семью и раздуть очаг. Натянули бы на губы улыбку, поменяли прическу и ночью устроили мужу сказочные представления. Да, я дура. Да, у меня гордыня. Или — гордость? Где грань? Я не упиваюсь своими